Автор: Олег Хлебников © Новая газета КУЛЬТУРА , РОССИЯ 4230 30.05.2006, 12:56 253

Потомок Пушкина по линии Блока

Самый значительный современный русский поэт родился 120 лет назад.

Кто-то, не помню, назвал его «любимым поэтом тех, кто ненавидит поэзию». Но это если под поэзией понимать стишки из девичьих альбомов и прочее «люби меня, как я тебя».

Кто-то, не помню, упрекал его в человеконенавистничестве за стихи «Гостю»:

Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий,
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

Но упрекали те, кто не читал Библию или забыл, что€ в ней говорится о горячем, холодном и тепленьком.

А я бы назвал его самым значительным современным русским поэтом, хотя и родился он сто двадцать лет назад. Это не значит, что среди его ровесников (плюс-минус 10 лет) не было великих поэтов, — как раз с их рождаемостью в те годы все обстояло более чем благополучно. Но я говорю о тех, кто написал не только свое, а уже и наше мировосприятие.

Так вот, именно этот поэт убедительнее всех сумел освоить в стихах новую реальность — ту, которая возникла после заката Европы (так ее и обозначил — «Европейская ночь»). Именно он набросал картину мира, в котором цивилизация победила культуру:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит тот,
В душе и мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот…
«Автомобиль»

(И даже сегодняшнее слово-паразит употребил, правда, в тютчевской интонации.)

Он же дал безжалостную оценку нынешнему времени:

Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..

(То есть день сотворения звезд, которые в его стихах уже и попсовые «звезды» тоже.)

А написав о современном человеке, пронизанном и пронзенном радиоволнами, воскликнул:

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы еще лучами
Неощутимо пронзены!

Наконец, этот поэт сознательно отказался от всех и всяческих литературных «измов» (тусовок), выбрав одинокий путь, принципиальную неангажированность. И никогда не заигрывал с публикой («Ведь мы и гибнем, и поем / Не для девического вздоха…»).

На этом своем одиноком пути он аукался с поэтами прошлого, прежде всего с Пушкиным, и ушедшего настоящего — прежде всего с Блоком. Преображение в воздухе нового времени пушкинской традиции он воспринимал как служение. Потому имел право сказать, обращаясь к России:

Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык…

Быть может, только верность живому русскому языку и понимаемой широко живой пушкинской традиции способна сделать наше население народом, а присутствие поэзии в сознании людей — спасти человека как вид…

Но сейчас — о личном, о том, как я познакомился с этим поэтом.

Произошло это в Переделкине, привилегированной писательской резервации, в конце семидесятых. Я приехал на дачу к Александру Петровичу Межирову с корыстной целью — почитать новые стихи. Его любовь к поэзии, тончайшее чувство слова и непредсказуемость суждений делали такое занятие азартным и сладостно-опасным.

Среди прочего, что я тогда прочитал, было и стихотворение вот с этими строчками:

Не таким меня любила мама –
мама! Неужели это я?..

И без того огромные глаза Александра Петровича стали еще больше: «Как! Вы не читали Ходасевича?!». А где двадцатилетним, в прокагэбэшенные семидесятые, да еще живя не в Москве, я мог прочитать опального поэта-эмигранта?

И тогда Межиров процитировал, вернее, с упоением пропел:

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?..

И т. д.

Я пришел в восторг (свой стишок, естественно, выкинул) и выпросил у Александра Петровича «Собрание стихов» Владислава Ходасевича. Это книжка не толстая: как известно, поэт включил в нее только три своих зрелых сборника — «Путем зерна», «Тяжелую лиру» и «Европейскую ночь», как будто ничего другого и не писал, — но «томов премногих тяжелей». Несколько дней я с ней не расставался и постепенно увидел, насколько сильное влияние Ходасевич оказал на русскую поэзию, в том числе на лучших советских поэтов, моих старших современников.

С тем же стихотворением «Перед зеркалом» («Я, я, я. Что за дикое слово…») перекликается Борис Слуцкий:

Это я, Господи! Господи, это — я.
Слева мои товарищи, справа мои друзья,
а посередке, Господи, я, самолично я.
Так неужели, Господи, не узнаешь меня?..
(Цитирую по памяти.)

И Межиров в его «Родина моя, Россия — / Няня, Дуня, Евдокия…» как будто продолжает знаменитое стихотворение Ходасевича:

Не матерью, но тульскою крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.
……..
И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право

Тебя любить и проклинать тебя…

Перекличку с Ходасевичем можно найти и у Давида Самойлова, Александра Кушнера, Олега Чухонцева, Александра Аронова… Несомненно, он повлиял на своих современников — Набокова как поэта, Георгия Иванова (возможно, потому именно тот публично от него открещивался и при этом сказал в 1955 году, в пору своего взлета: «Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич»). И еще на многих — особенно в эмиграции, где в конце 20-х у него была репутация «нашего Блока».

Но дело не во влияниях и «великолепных цитатах» (А. Ахматова). Куда важнее путь, который открыл он для поэзии XX — XXI веков. Ходасевич на собственном примере показал, что поэт, обреченный по самой своей сущности писать на «вечные темы», не может не дышать воздухом выпавшего на его долю времени (опять же как Пушкин!) И, извините за грубый оборот, наглядно продемонстрировал, что это дыхание — даже в смутные и грозные времена — не мешает классической ясности стихов. «Он в них, — писала в 1927 году Зинаида Гиппиус, — прежде всего четок; кристаллические стихи; подобно кристаллам, сложны они и ясны; ни одна линия неотъемлема…». Не то же ли самое мы говорим о Пушкине?!

А еще в сферу жизненно важного интереса поэзии он ввел другого — другого человека, другое я, другую душу. Во времена глобального эгоцентризма — быть может, единственной сегодня незыблемой идеологии — это очень жесткая, но конструктивная духовная оппозиция.

Много лет прожившая с Владиславом Фелициановичем Нина Берберова вспоминала, что «страшное, слезное чувство жалости <…> с годами стало одной из основ его тайной жизни. Это чувство иногда душило его». Есть тому свидетельства и в лирике Ходасевича, такой, казалось бы, жесткой и мускулинной:

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.
Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, –
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.
……
Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода
Взлетают в городскую высь…

Это стихи со следами Первой мировой войны. А на самом рубеже Второй мировой, в 1939-м, Ходасевич умер — в Париже, мучительно, от рака. Поскольку не от пули или петли, в нашем «наихристьяннейшем из миров» (М. Цветаева) такая смерть не способствовала его посмертной славе.

А еще за десять лет до ухода этот великий русский поэт без капли русской крови (отец — польский дворянин, мать — крещеная еврейка) практически порвал с поэзией (написал потом всего несколько стихотворений). В чем причина? Кажется, прежде всего в том, что «гармонизировать» распадающийся на глазах мир (а поэзия всегда «гармонизирует» — любой ужас, ставший предметом ее интереса) не было больше ни сил, ни лукавства (вообще несвойственного В.Х.), ни желания. Не напрасно последнее четверостишие последнего стихотворения «Европейской ночи», завершающее его «Собрание стихов», звучит так:

Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

Написавший замечательную биографию Державина, Ходасевич собирался писать и биографию Пушкина. И ведь мог! Именно он мог это блестяще сделать. Однако в те же годы отказался даже от этого своего любимого замысла. Конечно, и рутинная работа в эмигрантских газетах, необходимая для выживания, и отсутствие оставшихся на родине пушкинских материалов способствовали отказу. Но опять-таки главной причиной видится страшная пропасть между миром пушкинской гармонии и заоконной реальностью, которую Ходасевич остро видел и переживал... А предсказание оставил светлое: «Разукрашенные члены русского языка и русской

поэзии вновь срастутся. Будущие поэты не будут писать «под Пушкина», но пушкинская поэтика воскреснет, когда воскреснет Россия» («Возрождение», 1927 г., 11 апреля). Написал же он в те годы только блестящую книгу «Некрополь» — прощание с русским Серебряным веком, даже мемуарами ее назвать язык не поворачивается.

...Выстраданное литературное одиночество Ходасевича и его предельная честность по отношению к слову — пример, достойный подражания, но не воспринятый российскими поэтами начала XXI века.

…Столь разные писатели, как Горький, Набоков и Вячеслав Иванов, считали и даже в разные времена провозглашали Ходасевича лучшим поэтом своего времени. Все они не правы — нашего.

Владислав Ходасевич

* * *

Старик и девочка-горбунья
Под липами, в осенний дождь.
Поет убогая певунья
Про тишину германских рощ.

Валы шарманки завывают;
Кругом прохожие снуют…
Неправда! Рощи не бывают,
И соловьи в них не поют!

Молчи, берлинский призрак горький,
Дитя язвительной мечты!
Под этою дождливой зорькой
Обречена исчезнуть ты.

Шарманочка! Погромче взвизгни!
С грядущим веком говорю,
Провозглашая волчьей жизни
Золотожелчную зарю.

Еще бездельники и дети
Былую славят красоту, –
Я приучаю спину к плети
И каждый день полы мету.

Но есть высокое веселье,
Идя по улице сырой,
Как бы …… новоселье
Суровой праздновать душой.
1922

P.S. Это берлинское стихотворение 1922 года впервые опубликовано в 1970-х за рубежом по черновому автографу из архива поэта. Не найдя одного хирургически точного эпитета для последней строфы, Ходасевич так и не напечатал его при жизни. Можете поискать эпитет за него...

А стихи — из ключевых. Выйдя из русской революции в европейскую ночь, пережив «былую красоту» Гете, Шуберта, смятенных русских символистов (их тени есть в строках), — в «волчьей жизни» поэт становится стоиком, чтоб остаться собой. Это почти манифест. Мужественный, бесслезный.

P.P.S. Что же касается «золотожелчной зари» — это ли не нынешняя навязчивая неоновая реклама (в те годы такой еще не было)?!

Автор: Олег Хлебников © Новая газета КУЛЬТУРА , РОССИЯ 4230 30.05.2006, 12:56 253
URL: https://babr24.com/?ADE=30311 Bytes: 10668 / 10260 Версия для печати

Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:
- *Телеграм*
- *ВКонтакте*

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии